

ПРИГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНСКИЙ ФАКТОР ПОСЛЕ 2021 Г.: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕАЛИИ

Научная статья

Ясир Абдулла (Афганистан)

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: 1032249973@pfur.ru

Смена власти в Афганистане в августе 2021 г. и установление контроля Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) над всей территорией страны поставили перед государствами Центральной Азии задачу пересмотра стратегий обеспечения приграничной безопасности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью отхода от инерционного мышления и сложившихся стереотипов в экспертной среде, что требует изучения конкретных шагов, предпринятых новым правительством Афганистана. В статье обосновывается тезис о том, что Исламский Эмират Афганистан выступает не источником угроз, а ключевым партнером стран Центральной Азии в обеспечении безопасности границ и восстановлении национальной экономики. Особое внимание уделяется заинтересованности правительства ИЭА в международном признании. Стремление легитимизировать свою власть побуждает афганское руководство укреплять дееспособность, обеспечивать охрану государственной границы и учитывать интересы соседних государств, что создает основу для региональной стабильности. Исследование опирается на сравнительный анализ официальных заявлений руководства ИЭА, документов ООН, данных спутникового мониторинга наркопосевов, а также экспертных оценок российских и зарубежных исследователей. Методология включает сопоставление декларируемых рисков со стороны центральноазиатских государств и практических действий кабульских властей. Автор отмечает, что централизация власти в Афганистане ликвидировала «серые зоны» и создала механизм сдерживания приграничных инцидентов. В результате деятельности правительства ИЭА интересы Афганистана и стран региона в борьбе с терроризмом (в частности, с ИГИЛ-«Вилаят Хорасан»^{*}), по мнению автора статьи, объективно совпадают. Выявлено, что жесткая антинаркотическая кампания Кабула привела к сокращению посевов мака на 95%, снизив нагрузку на границы Центральной Азии. Показано, что прагматичная позиция Узбекистана, сделавшего ставку на экономическую интеграцию, и последовательная линия Российской Федерации, выстроившей рабочие контакты с ИЭА, служат эффективной альтернативой политике изоляции. Обращено внимание, что водная проблематика, несмотря на конфликтный потенциал, переводится афганской стороной в русло переговоров о создании двусторонних комиссий и внедрении водосберегающих технологий. Автор приходит к выводу, что обеспечение безопасности границ Центральной Азии достигается не стратегией сдерживания, а выстраиванием партнерских отношений с Афганистаном и углублением сотрудничества. Дальнейшая интеграция ИЭА в региональные структуры выступает ключевым условием долгосрочной стабильности: вовлечение Афганистана в совместные механизмы безопасности и экономического сотрудничества является необходимым фактором устойчивого развития для всех стран Центральной Азии. Проводится комплексный анализ динамики безопасности на южных рубежах Центральной Азии в период после августа 2021 г. Исследование фокусируется на трансформации подходов государств региона – Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана – к взаимодействию с новым правительством в Кабу-

^{*} «Вилаят Хорасан» – транснациональная салафитская джихадистская террористическая группировка, филиал Исламского государства в Афганистане. Организация, признанная террористической и экстремистской; запрещена в России.

ле. Особое внимание уделяется конкретным практическим шагам, предпринимаемым правительством Исламского Эмирата Афганистан для обеспечения региональной стабильности. Опровергаются распространенные в медийном пространстве стереотипы об «экспорте нестабильности». Аргументированно доказывается, что укрепление вертикали власти Исламского Эмирата, успешная борьба с наркопроизводством и ликвидация очагов терроризма создают новую архитектуру региональной безопасности, основанную на прагматизме и взаимных гарантиях.

Ключевые слова: Центральная Азия, Исламский Эмират Афганистана (ИЭА), приграничная безопасность, геополитика, трансграничное сотрудничество, наркотрафик, региональная стабильность, водные ресурсы.

Для цитирования: Ясир А. Приграничная безопасность Центральной Азии и афганский фактор после 2021 г.: вызовы и новые реалии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 4. С. 532–541.

BORDER SECURITY IN CENTRAL ASIA AND THE AFGHAN FACTOR POST-2021: CHALLENGES AND NEW REALITIES

Research article

Yasser Abdullah (Afghanistan)

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: 1032249973@pfur.ru*

This article provides a comprehensive analysis of security dynamics on the southern borders of Central Asia since August 2021. The study focuses on the transformation of the regional states' approaches—Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan—to interacting with the new government in Kabul. The change of power in Afghanistan in August 2021 and the establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan's (IEA) control over the entire territory of the country have presented the Central Asian states with the challenge of revising their border security strategies. The relevance of this study stems from the need to overcome the inertia and alarmist forecasts that have dominated expert discourse, necessitating an examination of the specific steps taken by Afghanistan's new government. This article substantiates the thesis that the Islamic Emirate of Afghanistan acts not as a source of threats, but as a key partner for Central Asian countries in ensuring border security and rebuilding the national economy. Particular attention is paid to the IEA government's interest in international recognition. The leadership's pursuit of legitimacy motivates it to strengthen its capacity, ensure state border protection, and take into account the interests of neighboring states, thereby laying the groundwork for regional stability. The research is based on a comparative analysis of official statements by the IEA leadership, UN documents, satellite monitoring data of opium poppy cultivation, and expert assessments from Russian and international researchers. The methodology involves juxtaposing the risks articulated by Central Asian states with the practical actions undertaken by the Kabul authorities. The author notes that the centralization of power in Afghanistan has eliminated «grey zones» and created a mechanism for deterring border incidents. In the author's view, the activities of the IEA government have led to an objective alignment of interests between Afghanistan and the regional states in combating terrorism (specifically, ISIS-Khorasan). The analysis reveals that Kabul's stringent anti-narcotics campaign has resulted in a 95% reduction in poppy cultivation, thereby easing the pressure on Central Asia's borders. It is demonstrated that Uzbekistan's pragmatic approach, focused on economic integration, and the consistent policy of the Russian Federation, which has established working contacts with the IEA, serve as an effective alternative to a policy of isolation. Attention is drawn to the fact that despite its conflict potential, the water issue is being channeled by the Afghan side into negotiations on estab-

lishing bilateral commissions and implementing water-saving technologies. The author concludes that ensuring the security of Central Asia's borders is achieved not through a strategy of containment, but by building a partnership with Afghanistan and deepening cooperation. The further integration of the Islamic Emirate of Afghanistan into regional structures is a key condition for long-term stability: involving Afghanistan in joint security and economic cooperation mechanisms is a necessary factor for the sustainable development of all Central Asian states.

Key words: *Central Asia, Islamic Emirate of Afghanistan, border security, geopolitics, cross-border cooperation, drug trafficking, regional stability, water resources.*

For citation: *Yasser A. Border Security in Central Asia and the Afghan Factor After 2021: Challenges and New Realities // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 4. P. 532–541. (In Russ.)*

Кардинальные политические изменения, произошедшие в Кабуле в августе 2021 г., ознаменовали завершение длительного периода иностранного военного присутствия и открыли новый этап в развитии афганской государственности. Приход к власти правительства Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) обусловил необходимость коренного пересмотра стратегий национальной безопасности государств Центральной Азии, поскольку прежние механизмы сдерживания трансграничных угроз строились на взаимодействии с предыдущим правительством и силами международной коалиции. В первые месяцы после смены власти в международном дискурсе доминировали алармистские прогнозы, предрекавшие неминуемую экспансию нестабильности на север. Однако реальное развитие событий в последующие годы продемонстрировало несостоятельность подобных сценариев. Современное научное сообщество получило возможность оперировать не гипотезами, а эмпирическими данными, свидетельствующими о формировании устойчивой модели государственности на территории Афганистана [Коргунов, 2023: 45–62].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления инерционного мышления предыдущих десятилетий при анализе текущей ситуации. Центральная гипотеза работы заключается в том, что Исламский Эмират Афганистан, будучи заинтересованным в международной легитимации и восстановлении экономики страны, выступает не источником угроз, а ключевым партнером стран Цент-

ральной Азии в обеспечении безопасности границ. Для верификации данного тезиса применяется метод сравнительного анализа, сопоставляющий декларируемые риски со стороны соседних государств и ответные практические действия официального Кабула [Казанцев, 2024: 23–31].

Многие экспертные оценки игнорируют тот факт, что ситуация в Афганистане после 2021 г. привела к беспрецедентной за последние 40 лет централизации власти. В отличие от предыдущей республиканской администрации, которая фактически не контролировала значительные территории страны (особенно на периферии), правительство Исламского Эмирата Афганистана сумело в кратчайшие сроки установить полный военно-административный контроль над всей территорией государства, включая труднодоступные горные районы и значительные по протяженности участки государственной границы. Данное обстоятельство само по себе является важным фактором в вопросах безопасности для Центральной Азии, поскольку исключает существование «серых зон» [UN Security Council., 2023.].

С точки зрения теории, проблема приграничной безопасности в данном контексте наиболее продуктивно рассматривается через призму концепции «комплекса региональной безопасности», разработанной Б. Бузаном и О. Вэвером. Данный подход предполагает, что угрозы безопасности носят преимущественно региональный характер и обусловлены географической близостью государств-акторов. Афганистан в этой системе координат выступает не просто ис-

точником нестабильности, а системообразующим элементом, определяющим динамику всего центральноазиатского комплекса безопасности. Смена режима в Кабуле закономерно трансформирует характер угроз, распространяющихся через государственные границы: речь идет о терроризме, наркотрафике, нелегальной миграции и распространении радикальной идеологии.

Известные таджикские исследователи Ш. Ризоен и М.Ф. Гиесов отмечают, что возвращение талибов к власти ознаменовало не просто политический переворот, но и фундаментальную трансформацию всей системы государственного управления Афганистана, что неизбежно создает зоны нестабильности вдоль его северных рубежей [Ризоен, Гиесов, 2023: 508]. Эта нестабильность имеет структурный характер и не может быть преодолена посредством ситуативных мер. Приход «Талибана» к власти существенно осложнил механизмы международного взаимодействия в сфере безопасности применительно к Центральной Азии, поскольку легитимность нового афганского режима по-прежнему остается предметом споров на международном уровне [Ивасюк, 2023: 1365].

Экономическое измерение проблемы не менее значимо для понимания механизмов воспроизводства угроз. Y.U. Uzun указывает, что хроническая социально-экономическая деградация Афганистана, прослеживаемая с 1970-х гг. и резко усилившаяся после 2021 г., формирует устойчивую питательную среду для криминальных сетей, террористических структур и вынужденной миграции, неизбежно затрагивающих соседние государства [Uzun, 2025: 82]. Таким образом, пограничная безопасность оказывается производной от внутреннего социально-экономического состояния Афганистана, что существенно ограничивает возможности чисто силового реагирования со стороны центральноазиатских государств.

Особое место в системе трансграничных угроз занимает наркотрафик. Афганско-таджикистанская граница является одним из ключевых маршрутов перемещения наркотических веществ, а отсутствие эффективного двустороннего сотрудничества

в данной сфере существенно снижает результативность антинаркотических усилий обеих сторон [Мохаммад, 2024: 748]. Это свидетельствует о том, что решение проблемы требует выработки совместных институциональных механизмов, а не только укрепления физической охраны рубежей.

Анализируя перспективы развития ситуации в Афганистане, многие специалисты приходят к выводу, что сложившееся после августа 2021 г. положение дел характеризуется глубокой неопределенностью и отсутствием предсказуемых траекторий нормализации, что делает долгосрочное планирование в сфере региональной безопасности крайне затруднительным [Нессар, 2024: 58]. В этих условиях центральноазиатские государства вынуждены действовать в режиме реактивного реагирования, что объективно снижает эффективность их политики безопасности.

Немаловажно, что экологическое измерение также влияет на динамику приграничных отношений. З.А. Дадабаева обращает внимание на то, что нарастающие водные и климатические проблемы Центральной Азии в XXI в. способны стать дополнительным катализатором дестабилизации, создавая новые источники напряженности, которые накладываются на существующие угрозы со стороны Афганистана [Дадабаева, 2023: 108].

Принятая еще в 2004 г. при поддержке международного сообщества Конституция Афганистана заложила основы демократического государственного устройства и правовой системы страны. В соответствии с текстом Конституции, государственный суверенитет принадлежит народу и реализуется непосредственно через избранных представителей. Закрепление принципа, согласно которому нацию Афганистана образуют все лица, обладающие афганским гражданством, подчеркивало инклюзивный характер формируемой государственности. Особое внимание в Конституции уделялось защите прав человека. Текст документа предусматривал создание Независимой комиссии по правам человека Афганистана, призванной контролировать соблюдение прав, рассматривать жалобы граждан и передавать их в правоохранительные органы

для дальнейшего реагирования. Согласно Конституции, организация и методы работы комиссии должны были регулироваться отдельным законом [Конституция Афганистана..., 2004].

Однако радикальная смена власти в Афганистане в 2021 г. коренным образом изменила ситуацию в регионе. Прекращение действия прежних конституционных механизмов и демонтаж демократических институтов создали принципиально новые условия для обеспечения приграничной безопасности Центральной Азии, поставив перед соседними государствами целый ряд вызовов и угроз. Приход к власти правительства Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) обусловил необходимость коренного пересмотра стратегий национальной безопасности государств Центральной Азии, поскольку прежние механизмы сдерживания трансграничных угроз строились на взаимодействии с предыдущим правительством и силами международной коалиции.

Демонтаж прежней правовой системы создал новые вызовы для соседних государств, вынужденных адаптироваться к новым политическим реалиям.

Высшее руководство Исламского Эмирата Афганистан неоднократно гарантировало, что территория страны не станет плацдармом для атак на третьи государства; эти заверения подкрепляются реальными операциями против ИГИЛ-«Вилаят Хорасан»^{*} – группировки, угрожающей как региону, так и самому кабульскому правительству. Таким образом, в сфере борьбы с международным терроризмом интересы Исламского Эмирата и стран Центральной Азии объективно совпадают, формируя основу для практического взаимодействия¹.

Политика Узбекистана выступает наиболее показательным примером прагматичной адаптации к новым геополитическим условиям среди государств Центральной Азии. Ташкент одним из первых осознал контрпродуктивность изоляции Афганистана, сделав ставку на экономическую ин-

теграцию как на ключевой фактор обеспечения безопасности. Первоначальные опасения узбекской стороны касались возможной дестабилизации в районе р. Термеза и судьбы совместных инфраструктурных проектов. Реагируя на обеспокоенность Ташкента, власти ИЭА не только подтвердили нерушимость границ, но и гарантировали бесперебойную работу транспортных коридоров.

Еще одним свидетельством конструктивного взаимодействия служит диалог вокруг строительства трансафганской железной дороги «Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар». Для Узбекистана данный проект представляет стратегическую значимость, поскольку открывает возможность выхода к морским портам Пакистана. Реализация столь масштабной инфраструктурной инициативы требует безусловного обеспечения безопасности на всем протяжении маршрута. Продемонстрировав способность эффективно охранять объекты и логистические коридоры, правительство ИЭА не только подтвердило свою дееспособность, но и убедительно доказало надежность нового афганского руководства. Развивающиеся приграничные торговые связи не только свидетельствуют об экономических приоритетах ИЭА, но и формируют обоюдную заинтересованность в стабильности, что делает сценарий военной конфронтации маловероятным. В настоящее время ситуация на узбекско-афганской границе оценивается как стабильная и контролируемая, что является прямым следствием двустороннего диалога [Рахимов, 2024: 78–91].

Особое место в вопросах региональной безопасности занимает проблема водопользования, актуализировавшаяся в связи со строительством Афганистаном канала Куш-Тепа. Этот гидротехнический проект вызывает серьезную обеспокоенность Узбекистана и Туркменистана, которые опасаются сокращения стока Амударьи, способного нанести критический ущерб сельскому хозяйству обеих стран. На этом фоне в экспертном сообществе все чаще звучат прогнозы о «водных войнах» как о потенциальном сценарии регионального конфликта. Вместе с тем позиция Исламского Эмирата Афганистан по данному вопросу отличается

¹ Заявление официального представителя Исламского Эмирата Афганистан Забихуллы Муджахида от 15.03.2023 // Alemarah English. URL: <https://www.alemarah.uz> (дата обращения: 15.11.2025).

ся взвешенностью и юридической обоснованностью [Петров, 2023: 56–73]. ИЭА настаивает на соблюдении принципа справедливого распределения трансграничных водных ресурсов, ссылаясь на международное водное право. Афганистан, на чьей территории расположены верховья Амударьи, исторически получал минимальную долю воды, в то время как соседние государства активно использовали реку для орошения. В ИЭА подчеркивают, что строительство канала Куш-Тепа – это не агрессивный шаг, а реализация законного права на развитие аграрного сектора и укрепление продовольственной безопасности страны. В качестве инструмента урегулирования водных противоречий афганская сторона предлагает учредить двустороннюю комиссию по управлению трансграничными водными ресурсами и внедрить систему мониторинга стока. ИЭА подтверждает готовность к диалогу, предлагая провести техническую экспертизу и декларируя намерение учитывать интересы всех сторон. Реализация данного подхода может способствовать значительному снижению риска эскалации в регионе.

Реагируя на обеспокоенность сопредельных государств, официальный Кабул декларирует готовность к диалогу по техническим вопросам водопользования, акцентируя отсутствие намерений ущемлять интересы стран Центральной Азии. В качестве альтернативы конфронтационному сценарию ИЭА предлагает консультативный механизм и внедрение современных водосберегающих технологий при осуществлении водозабора. Представители Эмирата неоднократно подтверждали готовность учитывать интересы государств нижнего течения при реализации гидроэнергетических проектов в бассейнах Амударьи и Герируда. При этом Кабул настаивает на равноправном участии в региональных водных соглашениях, апеллируя к суверенному праву на развитие инфраструктуры для обеспечения продовольственной безопасности и электрификации сельских территорий, неизменно подчеркивая приверженность принципам справедливого распределения трансграничных водных ресурсов [Водная дипломатия..., 2024: 320]. Таким образом, строительство канала Куш-Тепа

целесообразно квалифицировать не как недружественный акт, а как прагматичную меру, направленную на обеспечение продовольственной безопасности Афганистана. Данный проект также отвечает интересам сопредельных государств, поскольку его реализация способствует минимизации рисков гуманитарного кризиса и, как следствие, предотвращению неконтролируемой миграции. Подтверждением взаимовыгодного характера стабильности служит позиция Туркменистана, который, руководствуясь политикой нейтралитета, продвигает проект газопровода ТАПИ, получая от Кабула необходимые гарантии безопасности для своей инфраструктуры на афганской территории¹.

Наиболее сложная ситуация складывается на таджикско-афганской границе. В отличие от соседей по региону, Душанбе настойчиво акцентирует риски, проистекающие из этнического фактора и присутствия на севере Афганистана группировок, враждебных официальному руководству. Этим обусловлены его призывы к созданию буферных зон и защите этнических таджиков, а также конкретные шаги по усилению границы. Таджикистан последовательно наращивал военное присутствие: увеличивал численность пограничных войск, укреплял инфраструктуру застав, развертывал дополнительные подразделения в Хатлонской и Горно-Бадахшанской автономных областях (ГБАО). Была инициирована масштабная модернизация пограничной службы, включающая внедрение систем видеонаблюдения, фортификационное строительство и обновление вооружения. Параллельно активизировалось военное сотрудничество в рамках ОДКБ – регулярные учения с Россией и партнерами по организации позволяют отрабатывать сценарии противодействия трансграничным угрозам².

¹ Improved situation in Afghanistan offers chance to move forward with TAPI gas pipeline construction – project operator. Interfax. 24.10.2024. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/107020> (дата обращения: 20.12.2025).

² Секретариат Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Регулярные учения и меры противодействия трансграничным угрозам на таджикско-афганской границе. М., 2024. URL: <https://odkb-csto.org/news/2024-border-exercises> (дата обращения: 20.12.2025).

В этих условиях правительство Исламского Эмирата Афганистан последовательно заверяет, что на его территории не осуществляется укрывательство дестабилизирующих сил, а ранее существовавшие лагеря подготовки боевиков, представлявшие угрозу для Таджикистана, демонтированы. В качестве жеста доброй воли Кабул отвел тяжелые вооружения от линии границы, демонстрируя отсутствие агрессивных намерений. Афганская сторона призывает Таджикистан к нормализации отношений, апеллируя к логике взаимной выгоды: географическое соседство и общие экономические интересы должны служить основой для сотрудничества, а не конфликта. ИЭА неоднократно подтверждал готовность к диалогу по всем спорным вопросам, включая безопасность границ, торговлю и энергетику, декларируя стремление к мирному урегулированию разногласий и установлению долгосрочных партнерских отношений.

Важно отметить, что фактическая обстановка на таджикско-афганской границе после 2021 г., вопреки пессимистичным прогнозам, остается спокойной. Инциденты носят единичный характер и связаны преимущественно с деятельностью криминальных контрабандистов, с которыми ведут борьбу обе стороны, а не с политически мотивированной агрессией. Это подтверждает тезис о полном контроле сил ИЭА над ситуацией и недопущении провокаций. Стабильность на этом участке обеспечивается не только силовым паритетом, но и соблюдением Кабулом обязательств по предотвращению трансграничных рейдов [Отчет Миссии ООН., 2024].

В русле этих изменений находится и принципиально новая политика ИЭА в сфере борьбы с наркотиками. На протяжении десятилетий Афганистан оставался главным источником опиатов, однако издание Верховным лидером фетвы о строжайшем запрете выращивания опийного мака, производства и торговли наркотиками кардинально изменило ситуацию, создав предпосылки для реального сокращения наркотрафика в Центральную Азию¹.

¹ О запрете выращивания мака, производства и оборота наркотиков // *لوی ریاست نظارت و تعقیب فرامین و*

Принципиальное отличие нынешнего запрета на наркопроизводство от декларативных мер предшествующего периода заключается в жесткости его реализации. Действия сил ИЭА включают патрулирование для выявления очагов наркопроизводства, физическое уничтожение маковых полей (тяжелой техникой и огневыми средствами), а также аресты и конфискацию земель в отношении лиц, отказывающихся от выполнения требований властей. Спутниковый мониторинг фиксирует беспрецедентное сокращение посевных площадей – до 95% в ключевых провинциях; аналогичные меры распространяются на плантации каннабиса².

Важным результатом данной политики стало снижение наркотической нагрузки на границы Центральной Азии, которые впервые за долгие годы получили возможность оптимизировать расходы на противодействие наркотранзиту. В этой связи обвинения в адрес Кабула, продолжающие тиражироваться некоторыми зарубежными источниками, не учитывают документально подтвержденные факты системного уничтожения посевов мака и нарколабораторий³.

Нынешнее правительство Афганистана оказалось единственной силой за последние полвека, продемонстрировавшей способность к реальному, а не декларативному, подавлению наркопроизводства. Данный фактор объективно укрепляет безопасность на южных рубежах СНГ и формирует основу для доверия между силовыми структурами региона и Афганистаном.

Определяющую роль в поддержании региональной безопасности Центральной

احکام سایت رسمی [official site High Directorate of supervision&prosecution of decrees and edicts], Islamic Emirate of Afghanistan. 2022. URL: <https://hds.gov.af/en/node/5883> (дата обращения: 6.11.2025).

² Afghanistan opium cultivation in 2023 declined 95 per cent following drug ban: new UNODC survey Kabul. Vienna, 5.11.2023. URL.: https://www.unodc.org/unodc/press/releases/2023/November/afghanistan-opium-cultivation-in-2023-declined-95-per-cent-following-drug-ban_new-unodc-survey.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 6.11.2025).

³ *Сидоров А.В.* Наркотрафик из Афганистана: мифы и реальность // *Российский совет по международным делам.* 15.03.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics> (дата обращения: 20.02.2025).

Азии продолжает играть позиция Российской Федерации. Российское правительство, демонстрируя глубокое понимание региональной специфики, заняло прагматичную позицию, наладив рабочие контакты с Исламским Эмиратом Афганистан. Де-факто признание новых властей, аккредитация дипломатов ИЭА и активное развитие экономического диалога служат для стран Центральной Азии сигналом о том, что новые власти в Кабуле являются договороспособной силой, с которой можно и нужно выстраивать отношения.

Российская Федерация рассматривает Исламский Эмират Афганистан в двух ключевых измерениях: как партнера в борьбе с террористической угрозой ИГИЛ* и как гаранта недопущения превращения афганской территории в плацдарм для вне-региональных сил, враждебных интересам ОДКБ. Благодаря этому взаимодействию Москвы и Кабула удается стабилизировать региональную архитектуру и снизить нервозность у центральноазиатских партнеров. Поскольку позиция ИЭА, ориентированная на сотрудничество и уважение интересов соседей, коррелирует с российским видением евразийской безопасности, отказ от конфронтационной риторики и переход к совместному решению хозяйственных и логистических задач становятся доминирующим трендом. Среди конкретных примеров такого взаимодействия – совместные усилия по контролю границ, расширение торгово-экономических связей на пространстве Центральной Азии, реализация энергетических проектов и развитие транзитных коридоров. На параллельном треке Москва поддерживает дипломатические каналы с Кабулом. Россия вовлечена в региональные консультации и содействует реализации гуманитарных проектов. В совокупности эти усилия укрепляют взаимное доверие и создают прочную основу для долгосрочного сотрудничества в сфере безопасности.

Заключение. Изучение проблем приграничной безопасности Центральной Азии в условиях новой афганской реальности позволяет прийти к ряду выводов, которые расходятся с устоявшимися нарративами и требуют пересмотра традиционных подходов.

Во-первых, возникновение Исламского Эмирата Афганистан означало конец вакуума безопасности и хаоса гражданской войны благодаря утверждению единой централизованной власти. А сосредоточение всей власти в руках правительства ИЭА создает механизм сдерживания: локальные приграничные инциденты блокируются на ранней стадии, не перерастая в полномасштабные конфликты.

Во-вторых, опасения государств Центральной Азии, имеющие исторические основания, в значительной степени компенсируются практическими действиями Кабула. Исламский Эмират Афганистан последовательно демонстрирует приверженность добрососедским отношениям, что выражается в обеспечении безопасности экономических проектов, конструктивном диалоге по водным вопросам и системной борьбе с террористическими группировками, представляющими угрозу для региона.

В-третьих, борьба ИЭА с наркопроизводством, ведущая к устранению одной из главных угроз безопасности Центральной Азии, представляет собой весомый аргумент в пользу диалога и постепенного признания нового режима международным сообществом.

Ключ к обеспечению безопасности границ в Центральной Азии лежит не в изоляции Афганистана, а в углублении сотрудничества с Исламским Эмиратом. В этом ключе конструктивный подход, демонстрируемый Узбекистаном и поддерживаемый Российской Федерацией, доказывает свою эффективность.

Таким образом, региональная безопасность сегодня зависит от способности всех участников процесса принять новую геополитическую реальность, в которой Афганистан выступает не как «экспортер угроз», а как суверенное государство, ответственно контролирующее свою территорию и стремящееся к мирному развитию в окружении дружественных соседей. Дальнейшая интеграция Исламского Эмирата Афганистан в региональные экономические и политические структуры станет лучшей гарантией стабильности и процветания всей Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Водная дипломатия Эмомали Рахмона: от первого шага до глобального партнерства: документы, выступления и материалы. 1999–2024 гг.: сборник статей / вступ. ст. С. Мухридина. М.: Весь Мир, 2024.

Дадабаева З.А. Климатические изменения и водные проблемы Центральной Азии в XXI в.: риски дезинтеграции // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 23. № 3. С. 100–119.

Ивасюк В.А. Проблема обеспечения международной безопасности Центральной Азии с приходом к власти режима «Талибан»** в Афганистане. Владимир: Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2023. С. 1363–1369.

Казанцев А.А. Политика стран Центральной Азии в отношении нового правительства Афганистана // Аналитические записки МГИМО. 2024. Вып. 12. С. 23–31.

Конституция Афганистана 2004 г. // Официальный вестник Исламской Республики Афганистан. Кабул, 2004. № 818.

Коргунов В.В. Афганистан после 2021 года: новая реальность и региональная безопасность // Вестник международных отношений. 2023. № 4. С. 45–62.

Мохаммад А.М.Т. Сотрудничество Афганистана и Таджикистана в борьбе с наркоугрозой // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 7. С. 743–753.

Нессар М.О. Сложившаяся после августа 2021 года ситуация в Афганистане и перспектива ее развития // Афганистан – между прошлым и будущим: на пути к справедливому миру и устойчивому развитию: материалы Международной конференции. Москва, 23 ноября 2023 г. М.: Ключ-С, 2024. С. 55–60.

Отчет Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА). Положение в области безопасности в Афганистане и приграничных районах. Кабул: UNAMA, 2024. 62 с.

Петров Н.Н. Водные ресурсы Центральной Азии: конфликтный потенциал и пути его снижения // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 56–73.

Рахимов К.Б. Трансафганский транспортный коридор: перспективы и вызовы // Экономика Центральной Азии. 2024. № 2. С. 78–91.

Ризоен Ш.Ш., Гусов М.Ф. Афганистан до и после возвращения Талибан. Душанбе: Дониш, 2023. 508 с.

UN Security Council. Twenty-ninth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and the Taliban. N. Y.: UN, 2023.

Uzun Y.U. General Socio-Economic Situation in Afghanistan, 1973–2011 and After 2021 // Istanbul University of Economics and Social Research. 2025. Vol. 12. № 1. P. 79–97.

REFERENCES

Vodnaya diplomatiya Emomali Rakhmona: ot pervogo shaga do global'nogo partnerstva: Dokumenty, vystupleniya i materialy. 1999–2024 gg.: sbornik statey / vstup. st. S. Mukhriddina. M.: Ves' Mir, 2024. (In Russ.) [Emomali Rahmon's Water Diplomacy: From the First Step to Global Partnership: Documents, Speeches and Materials. 1999–2024: Collection of Articles / Introduction by S. Mukhriddin. M.: Ves' Mir, 2024.]

Dadabayeva Z.A. Klimaticheskiye izmeneniya i vodnyye problemy Tsentral'noy Azii v XXI v.: riski dezintegratsii // Geoekonomika energetiki. 2023. T. 23. № 3. S. 100–119. (In Russ.) [*Dadabayeva Z.A.* Climate change and water problems of Central Asia in the 21st century: risks of disintegration // Geoeconomics of energy. 2023. Vol. 23. № 3. P. 100–119.]

Ivasyuk V.A. Problema obespecheniya mezhdunarodnoy bezopasnosti Tsentral'noy Azii s prikhodom k vlasti rezhima «Taliban» v Afganistane. Vladimir: Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet im. Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh, 2023. S. 1363–1369. (In Russ.) [*Ivasyuk V.A.* The Problem of Ensuring International Security in Central Asia with the Coming to Power of the Taliban Regime in Afghanistan. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, 2023. P. 1363–1369.]

* 17 апреля 2025 г. Верховный суд Российской Федерации приостановил запрет деятельности движения «Талибан» на территории Российской Федерации.

Kazantsev A.A. Politika stran Tsentral'noy Azii v otnoshenii novogo pravitel'stva Afganistana // Analiticheskiye zapiski MGIMO. 2024. Vyp. 12. S. 23–31. (In Russ.) [*Kazantsev A.A.* Policy of Central Asian Countries Towards the New Government of Afghanistan // Analytical Notes of MGIMO. 2024. Issue 12. P. 23–31.]

Konstitutsiya Afganistana 2004 g. // Ofitsial'nyy vestnik Islamskoy Respubliki Afganistan. Kabul, 2004. № 818. (In Russ.) [The 2004 Constitution of Afghanistan // Official Bulletin of the Islamic Republic of Afghanistan. Kabul, 2004. № 818.]

Korgunov V.V. Afganistan posle 2021 goda: novaya real'nost' i regional'naya bezopasnost' // Vestnik mezhdunarodnykh otnosheniy. 2023. № 4. S. 45–62. (In Russ.) [*Korgunov V.V.* Afghanistan after 2021: New Reality and Regional Security // Bulletin of International Relations. 2023. № 4. P. 45–62.]

Mokhammad A.M.T. Sotrudnichestvo Afganistana i Tadzhiqistana v bor'be s narkougrozoy // Postsovet-skiye issledovaniya. 2024. T. 7. № 7. S. 743–753. (In Russ.) [*Mohammad A.M.T.* Cooperation between Afghanistan and Tajikistan in the Fight against the Drug Threat // Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. № 7. P. 743–753.]

Nessar M.O. Slozhivshayasya posle avgusta 2021 goda situatsiya v Afganistane i perspektiva yeye razvitiya // Afganistan – mezhdunarodnyy konfertsii, Moskva, 23 noyabrya 2023 g. M.: Klyuch-S, 2024. S. 55–60. (In Russ.) [*Nessar M.O.* The situation in Afghanistan since August 2021 and the prospects for its development // Afghanistan – between the past and the future: towards a just peace and sustainable development: Proceedings of the International Conference. M., November 23, 2023. M.: Klyuch-S, 2024. P. 55–60.]

Otchet Missii OON po sodeystviyu Afganistanu (MOONSA). Polozheniye v oblasti bezopasnosti v Afganistane i prigranichnykh rayonakh. Kabul: UNAMA, 2024. 62 s. (In Russ.) [Report of the United Nations Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA). Security Situation in Afghanistan and Border Areas. Kabul: UNAMA, 2024. 62 p.]

Petrov N.N. Vodnyye resursy Tsentral'noy Azii: konfliktnyy potentsial i puti yego snizheniya // Mezhdunarodnaya analitika. 2023. T. 14. № 3. S. 56–73. (In Russ.) [*Petrov N.N.* Water Resources of Central Asia: Conflict Potential and Ways to Reduce It // International Analytics. 2023. Vol. 14. № 3. P. 56–73.]

Rakhimov K.B. Transafganskiy transportnyy koridor: perspektivy i vyzovy // Ekonomika Tsentral'noy Azii. 2024. № 2. S. 78–91. (In Russ.) [*Rakhimov K.B.* Trans-Afghan Transport Corridor: Prospects and Challenges // Economy of Central Asia. 2024. № 2. P. 78–91.]

Rizoyen Sh.Sh., Giesov M.F. Afganistan do i posle vozvrashcheniya Taliban. Dushanbe: Donish, 2023. 508 s. (In Russ.) [*Rizoyen Sh.Sh., Giesov M.F.* Afghanistan before and after the Return of the Taliban. Dushanbe: Donish, 2023. 508 p.]

UN Security Council. Twenty-ninth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and the Taliban. N. Y.: UN, 2023.

Uzun Y.U. General Socio-Economic Situation in Afghanistan, 1973–2011 and After 2021 // Istanbul University of Economics and Social Research. 2025. Vol. 12. № 1. P. 79–97

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ясир Абдулла (Афганистан), магистрант 2-го курса кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

E-mail: 1032249973@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yasser Abdullah (Afghanistan), a second-year master's student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

E-mail: 1032249973@pfur.ru